

Только то, что утрачено полностью, поминается
бесконечно. Есть у людей такая мания — звать
потерянное, пока оно не вернется.

Гюнтер Грасс

Пролог

Дети думают, что их создаем мы, родители, но это не так. Они существуют где-то до нас. До того, как придет их время. А потом появляются на свет и создают нас. Но сначала они нас ломают.

Вот что я поняла в день, когда все изменилось. Я стояла на втором этаже и складывала постиранное белье. Спина ныла под весом Перл. Она жила у меня внутри. Так же огромный кит проглатывает человека и дает тому убежище в своей утробе, пока не придет время его выплюнуть. Перл кувыркалась так, что ни одной рыбе и не снилось, дышала через мою кровь, жалась к моим костям.

Вода вокруг нашего дома поднялась до пяти футов. Под ней скрылись дороги и лужайки, заборы и почтовые ящики. Небраску затопило всего несколько дней назад. Вода захлестнула прерию одной огромной волной, снова превратив наш штат во внутреннее море, каким он был много лет назад. Теперь над бескрайней водной гладью возвышались только горные архипелаги. Через некоторое время я выглянула в окно, и из грязной воды на меня посмотрело в ответ мутное, изломанное отражение.казалось, меня растянули и разорвали на мелкие неровные куски.

Я складывала рубашку, и вдруг меня напугали до полусмерти крики. Этот голос вонзился в меня, точно бритвенное лезвие. Роу, моя пятилетняя дочь, сразу поняла, что происходит.

— Нет-нет! — кричала она. — Без мамы не поплыву!

Белье выпало у меня из рук. Я кинулась к окну. На воде перед нашим домом покачивалась небольшая моторная лодка с включенным двигателем. Мой муж Джейкоб плыл к ней. Одной рукой греб, второй прижимал к себе вырывавшуюся Роу. Хотел посадить ее в лодку, но Роу ударила его локтем в лицо. В лодке стоял мужчина. Он перегнулся через планшир, готовясь подхватить мою девочку. На Роу были джинсы и курточка в шотландскую клетку, из которой она уже выросла. Кулон на шее раскачивался, как маятник. Роу извивалась и билась в руках Джейкоба, точно пойманная рыба. Ему в лицо летели брызги.

Я открыла окно и прокричала:

— Джейкоб, ты что творишь?!

Он не ответил. Даже не оглянулся на мой голос. Роу заметила меня в окне и позвала:

— Мама!

Мужчина схватил ее под мышки и поднял над бортом. Роу размахивала ногами, пытаясь его пнуть.

Я замолотила кулаком в стену возле окна и снова окрикнула Джейкоба. Он подтянулся и залез в лодку. А тот мужчина все держал Роу. Меня охватила паника. Иголки, покалывавшие кончики пальцев, превратились в шипящие языки пламени. Я затряслась с ног до головы. Вскарабкалась на подоконник и спрыгнула вниз. Под водой скрывалась твердая земля. Я завалилась вбок, пытаясь смягчить силу удара. Когда вынырнула, заметила на лице Джейкоба напряженную, болезненную гримасу. Морщась, он держал Роу. Та брыкалась и кричала:

— Мама! Мама!

Я поплыла к лодке, отталкивая все, что попадалось на пути: жестяная банка, старая газета, дохлая кошка. Двигатель взревел, лодка развернулась. Вол-

ПОСЛЕ ПОТОПА

на плеснула мне в лицо. Джейкоб держал Роу, а моя девочка рвалась ко мне, вытянув крошечную ручку. Пальчики отчаянно хватали воздух.

Я гребла изо всех сил, а Роу увозили все дальше. Вот она скрылась вдали. Я больше не могла разглядеть ни маленькое личико, ни темный кружок открытого рта, ни волосы, которые трепал ветер. Но ее крики стояли в ушах еще долго.

Глава 1

Прошло семь лет

Чайки кружили над нашей лодкой. Они напомнили мне о Роу. Когда она училась ходить, так же взвизгивала и взмахивала руками, будто крыльями. А однажды она простояла без движения целый час, наблюдая за канадскими журавлями. Я водила ее к реке Плат, чтобы посмотреть, как птицы останавливаются и отдыхают там во время перелета. Роу и сама напоминала птицу: тонкая кость и быстрый, настороженный взгляд, внимательно следивший за горизонтом — вдруг пора спасаться и улетать?

Наша лодка стояла на якоре возле скалистого побережья на месте Британской Колумбии, у входа в маленькую бухту, где вода заполнила небольшое углубление между двумя горными вершинами.

Мы по-прежнему зовем моря старыми именами, но на самом деле теперь они слились в один гигантский океан, кое-где усеянный клочками суши: ни дать ни взять крошки, просыпавшиеся с неба.

Заря только что осветила горизонт. Перл сложила наши постельные принадлежности под навес на палубе. Под ним она и родилась семь лет назад. Тогда бушевал шторм и небо рассекали белые зигзаги молний, слепящие, как моя боль.

Я бросила наживку в ловушки для крабов. Перл вышла из-под навеса. В одной руке обезглавленная змея, в другой нож. Еще несколько змей обвилились вокруг ее запястий, точно браслеты.

— Они нам сегодня на ужин, — напомнила я.

Перл полоснула меня недобрый взглядом.

Ничего общего с хрупкой темноволосой сестрой. Роу пошла в меня: темные волосы, серые глаза. А Перл похожа на отца: темно-рыжие кудри, весь нос в веснушках. Иногда мне кажется, что она даже стоит, как он: крепко и надежно уперев обе ноги в землю. Подбородок чуть приподнят, волосы вечно растрепаны, руки отведены назад, грудь выпячена. Перл уверенно бросает вызов миру без малейшего страха и опасений.

Я искала Роу и Джейкоба шесть лет. Когда они уплыли, мы с дедом спустили на воду «Птицу». Эту лодку он построил сам. Вскоре родилась Перл. Не будь с нами деда, мы с Перл и месяца не протянули бы. Он ловил рыбу, пока я кормила Перл. Расспрашивал о Роу и Джейкобе всех, кто попадался на нашем пути. Учил меня ходить под парусом.

Мать деда строила пироги, как и ее дальние предки. Дед помнил деревянный остов, напоминавший человеческие ребра и укрывавший людей, точно мать укрывает дитя, растущее внутри нее, помогая им добраться до берега невредимыми. Отец деда был рыбаком. Вот почему детство дед провел на морях Аляски. Во время Столетнего потопа он вместе с тысячами других людей ушел вглубь материка и наконец осел в Небраске. Там он много лет работал плотником, но всегда скучал по морю.

Дед искал Джейкоба и Роу, когда у меня уже не хватало духу продолжать поиски. Иногда вяло тащилась следом, укачивая Перл. В каждой деревне он осматривал лодки в гавани: вдруг заметит ту самую? Показывал фотографии Роу и Джейкоба в каждом салуне, в каждом торговом доме. В открытом море спрашивал всех встречных рыбаков, не видели ли они мужчину с маленькой девочкой.

Но дед умер, когда Перл была еще совсем маленькая. И время непосильной задачи рухнуло на мои

плечи. Отчаяние обволакивало меня, как вторая кожа. В первые дни я привязывала Перл к груди, надежно закутав ее в старый платок, и повторяла все то же самое, что и дед. Осматривала гавани, расспрашивала местных, показывала фотографии. Некоторое время это придавало мне сил. Я занималась серьезным делом, не связанным с выживанием. Чем-то более важным и осмысленным, чем ловля рыбы. Чем-то, что давало надежду и обещало залечить рану в моей душе.

Год назад мы с Перл высадились в маленькой деревеньке, укромно расположившейся в Северных Скалистых горах. Витрины магазинов побиты, дороги пыльные, куда ни глянь, всюду мусор. Эта деревня оказалась самой густонаселенной из всех, в которых я бывала. Люди сновали туда-сюда по главной улице, заполненной лотками и торговцами. Мы прошли мимо одной палатки, доверху заваленной награбленным добром. Кто-то успел оттащить все это в горы до начала потопа. Пакеты из-под молока, полные бензина и керосина, украшения — их можно переплавить во что-нибудь полезное, — тачки, консервы, удочки, корзины с одеждой.

На соседнем лотке товары, изготовленные или найденные после потопа: растения и семена, глиняные горшки, свечи, деревянное ведро, бутылки алкоголя с местного винного завода, ножи, выкованные кузнецом. На пакетиках с лекарственными растениями крупные, кричащие надписи: «Ивовая кора от лихорадки!», «Алоэ вера от ожогов!».

Некоторые товары смотрелись неважно: явно побывали под водой. Торговцы платят людям, чтобы те ныряли в старые дома и вытаскивали все, что не сгнило и не стало добычей мародеров еще до потопа. Вот отвертка, покрытая слоем ржавчины, а вот подушка, пожелтевшая и потяжелевшая от плесени.

На прилавке напротив только пузырьки лекарств с истекшим сроком годности и коробки патронов. Прилавок охраняли две женщины с автоматами, стоящие по обе стороны от него.

Всю пойманную рыбу я сложила в сумку, переброшенную через плечо. Пока шли по главной улице к торговому дому, крепко держалась за ремешок. Другой рукой сжимала руку Перл. Ее рыжие волосы стали сухими и ломкими. Шелушащаяся кожа приобрела светло-коричневый оттенок, но это не загар, а ранняя стадия цинги. Я подумала: надо выменять для нее фруктов, а для себя — рыболовных снастей получше.

В торговом доме я вывалила рыбу на прилавок, и мы с хозяйкой стали торговаться. Это была коренастая черноволосая женщина без нижних зубов. Мы с ней долго препирались, но наконец ударили по рукам: семь моих рыбин за апельсин, нитки, моток лески и лепешку. Я убрала все добро в сумку и разложила перед хозяйкой торгового дома фотографии Роу. Спросила, не видела ли она эту девочку.

Женщина уставилась на один из снимков. Помолчала. Потом медленно покачала головой.

— Вы уверены? — спросила я.

Женщина ответила не сразу, и это меня насторожило.

— Здесь таких нет, — с сильным акцентом объявила она и продолжила заворачивать в бумагу мою рыбу.

Мы с Перл побрели по главной улице к гавани. Погляжу на суда, сказала я себе. В деревне столько народу, что за всеми не уследишь. Одну худенькую девочку хозяйка торгового дома могла и не заметить. Мы с Перл держались за руки и огибали торговцев, заманивавших нас к себе. Вдогонку неслись выкрики: «Свежие лимоны! Куриные яйца! Фанера за полцены!»

Тут я заметила впереди девочку с длинными темными волосами, одетую в голубое платье.

Я застыла как вкопанная и уставилась на нее. Да это же платье Роу! Узор пейсли, оборка на подоле, рукава-фонарики. Внезапно мне стало нечем дышать. Все вокруг заволочла пелена. Рядом крутился мужчина и ныл, упрашивая купить у него хлеб, но его голос доносился будто издалека. Голова кружилась, тело вдруг стало невесомым. Я не сводила глаз с девочки.

А потом я бросилась к ней. Неслась по улице во весь опор, таща за собой Перл. Сшибла тележку с фруктами.

Океан в гавани вдруг преобразился: вода стала чистой и свежей и засверкала кристальной голубизной. Я схватила девочку за плечо и развернула к себе.

— Роу! — воскликнула я.

Думала: сейчас увижу родные глаза и обниму дочку!

Но на меня смотрело чужое сердитое лицо.

— Убери руки! — буркнула девочка и отпрянула, высвобождаясь из моей хватки.

— Извини... — пробормотала я и отошла.

Девочка поспешила прочь, настороженно оглядываясь. А я осталась стоять на запруженной людьми дороге среди клубов пыли. Перл отвернулась и закашлялась.

«Это не Роу, а незнакомая девочка», — сказала я себе, пытаясь свыкнуться с этой мыслью. Сердце сдавило от разочарования, но я отогнала мрачные мысли. Все равно я найду Роу. «Все будет хорошо, я ее найду», — повторяла я себе.

Кто-то со всей силы толкнул меня и сорвал с моего плеча сумку. Перл растянулась на земле, я тоже чуть не упала, но успела схватиться за прилавок с шинами.

— Эй! — прокричала я вслед женщине.

Та рванула в сторону гавани и скрылась за палаткой с рулонами ткани. Я за ней. Перепрыгнула через тележку с цыплятами, обогнула старика с палкой.

Я кружила по рынку, высматривая воровку. Люди проходили мимо, будто ничего не случилось. От толкучки и несмолкающего гула голосов меня замутило. Похоже, что искала я долго: начало темнеть, по земле пролегли длинные тени. Я то бегала, то крутилась на одном месте, пока ноги не подкосились. Я застыла возле того места, где меня обокрали. Нашла взглядом Перл. Та стояла там же, где упала: рядом с прилавком с шинами.

Между прилавками толпилось столько народу, что меня она не заметила. Перл с тревогой вглядывалась в лица прохожих. Ее подбородок дрожал. Она держалась за плечо: видно, ушиблась. Все это время она ждала, брошенная и растерянная. Перл оставалось только надеяться, что я вернусь за ней. В тот день апельсин в сумке был главным моим достижением. Свидетельством того, что я нормально забочусь о Перл.

Я глядела на дочку, и меня одолевало уныние. Сама виновата: утратила бдительность. Будь я внимательнее, воровка не стянула бы сумку. Я же всегда такая осторожная! Обычно меня враспloch не застаешь. Но в тот день сердце разъедала тоска, а надежда отыскать Роу казалась несбыточной.

Постепенно я сообразила, почему голубое платье показалось мне таким знакомым и потянуло к себе, как рыбу, попавшуюся на крючок. Да, у Роу было такое же платье, но когда Джейкоб ее увез, с собой его не взял. Я нашла платье в спальне дочери, в комодe. Потом я каждый день спала с ним. Зарывалась лицом в ткань, гладила ее и теребила, вдыхала запахи Роу. Платье врезалось мне в память только по

одной причине: Роу забрали, а оно осталось. Моя дочь никак не может расхаживать в нем по улицам. И вообще, она ведь выросла за эти годы. Голубое платье ей давно мало. Роу теперь большая девочка. Хотя я прекрасно все это понимала, в моей памяти дочка так и осталась пятилетней малышкой с огромными глазами и тоненьким смехом. Даже наткнись я на нее посреди улицы, наверное, не признала бы.

И тут я решила: все, с меня хватит. Сил моих больше нет. Каждый раз новое разочарование. Повсюду ее ищут, но в ответ на мои вопросы все как один разводят руками. На след Роу никак не напасть. Мы с Перл должны думать о себе, иначе нам не уцелеть. Нужно сосредоточиться только на нашем собственном выживании.

С тех пор мы больше не искали Роу и Джейкоба. Перл иногда спрашивала почему, и я отвечала правду: я просто не в состоянии продолжать. Я чувствовала: они живы, но не понимала, почему в малочисленных горных общинах, со всех сторон окруженных водой, никто о них не слышал.

Теперь мы просто дрейфовали без четкого направления и цели. Дни ничем не отличались один от другого. Предыдущий перетекал в следующий: так же река впадает в океан. По почам я лежала без сна и прислушивалась к ровному, размеренному дыханию Перл. Я понимала: она мой якорь. А днем я боялась, что на нас нападут пираты или что в сети попадется мало рыбы, и мы умрем с голоду. Меня мучили кошмары. Во сне я вцеплялась в Перл и будила нас обеих. Так я и жила: много страха, а в промежутках — чуть-чуть надежды.

Я подготовила ловушки для крабов, бросила за борт и дала им погрузиться в воду футов на шестьдесят. Я окидывала взглядом берег, и тут мной ни с того ни с сего овладела смутная тревога. Болотистый берег зарос темной травой и кустами, чуть дальше на горном склоне пробивались молодые дерев-

ца: тополя, ивы, клены. До потопа они на такой высоте не росли. Берег изгибался, образуя укромную бухту. Иногда там встают на якорь торговцы или сидят в засаде пираты. Зря я поленилась и не заглянула в бухту. Надо было убедиться, что на острове ни души. Земля не вода, на суше быстро не сбежишь. Но я собралась с духом. Ничего не поделаешь: нам нужна пресная вода, а значит, придется сойти на берег. Иначе и дня не продержимся.

Я еще раз осмотрела берег. Перл проследила за моим взглядом.

— Этот берег ну точь-в-точь как тот, где мы видели пиратов, — поддела она меня.

Перл долго припоминала мне этот случай: мы видели издалека, как пираты грабили лодку. Мы проплыли мимо, хотя на душе у меня было тяжело. Но я позволила ветру наполнить наш парус и унести нас прочь. Перл возмутилась: заявила, что мы должны были прийти тем людям на выручку. Я напомнила ей, что в опасные дела ввязываться нельзя: наше дело сторона. Но под моими здравыми рассуждениями скрывался страх. Пока вода затапливала сушу, он захватывал место в моей душе, поглощая все другие чувства. Теперь мое сердце зачерствело и мало напоминало человеческое.

— По-твоему, мы вдвоем должны были напасть на пиратский корабль? — спросила я. — Пропали бы ни за грош.

— Ты даже не попыталась ничего сделать! Тебе на все плевать!

— Ошибаешься, — ответила я. — На некоторые дела мне настолько не плевать, что на другие просто не хватает сил.

А могла бы сказать: я доведена до предела. Может, и хорошо, что я так и не нашла Роу. Ни к чему мне знать, на какие поступки я способна, чтобы с ней воссоединиться.

Перл ничего не ответила.

— Каждый сам за себя, — подвела я итог.

— Ты нехорошая, — буркнула Перл и уселась спиной ко мне.

— Думай как хочешь, — бросила я.

Потом зажмурилась и зажала пальцами переносицу. Села рядом с дочкой, но та отвернулась.

— Опять тот самый сон видела? — спросила я, стараясь говорить мягко и ласково, но резкие нотки все равно проскакивали.

Перл кивнула. Она выдавливала кровь из змеиного хвоста, и та вытекала через дыру на месте головы.

— С нами такого не произойдет. Мы с тобой всегда будем вместе, — успокоила я.

Погладила дочку по голове, убрала волосы с ее лица. На губах Перл промелькнуло что-то, похожее на улыбку.

Я встала и заглянула в бак для пресной воды. Осталось чуть-чуть на самом донышке. Вот так: воды кругом залейся, а толку от нее никакого. Голова болела от обезвоживания, в глазах начало рябить. Обычно с пресной водой у нас проблем нет: дождь льет через день. Но в эти дни не выпало ни капли. Придется искать горные ключи и кипятить воду. Я вылила остатки наших запасов в бурдюк Перл и протянула его ей.

Перл перестала теревить обезглавленную змею и взвесила бурдюк в руках.

— Ты отдала всю воду мне, — произнесла Перл.

— Я уже попила, — соврала я.

Перл уставилась на меня во все глаза. Она видит меня насквозь. От нее ничего не утаишь. Не то что от себя.

Я пристегнула ножны к поясу, мы с Перл взяли ведра, прыгнули в воду и побрели к берегу. Может, накопаем моллюсков. Хотя здесь для них, кажется, слишком мокро. Я уже начала беспокоиться, что мы останемся ни с чем.

ПОСЛЕ ПОТОПА

Мы с Перл бродили по болоту и тут наткнулись на сухой участок с южной стороны. Сюда светило солнце, равномерно прогревая землю. Многочисленные углубления усеивали засохший ил. Мы нашли палки и стали копать, но через несколько минут Перл отшвырнула свою палку в сторону.

— Мы так ничего не найдем, — заныла она.

— Не хочешь — не надо, — с раздражением бросила я.

Руки и ноги отяжелели от усталости.

— Тогда поднимись на склон и поищи родник. Смотри под ивами.

— Сама знаю.

Перл развернулась и попыталась резво взбежать по склону, но получилось неловко и неуклюже. Бедный ребенок — даже на суше передвигается как по палубе. Перл подстраивается под морскую качку: слишком сильно упирает ноги в землю, наклоняется то в одну сторону, то в другую.

Я продолжала копать. Скоро меня со всех сторон окружали холмики земли. Наконец наткнулась на раковину и кинула моллюска в ведро. Сквозь шум ветра и волн из бухты донеслись голоса. Я настороженно застыла. Села на пятки. Прислушалась. Все тело напряглось, как натянутая струна. Я пыталась уловить хоть один звук, но нет — тишина. На суше мне вечно что-то мерещится: то улавливаю песню, когда никакой музыки нет и в помине, то замечаю вдалеке покойного деда. Будто, ступив на сушу, возвращаюсь в прошлое.

Я наклонилась и снова зарылась руками в землю. Бросила в ведро вторую раковину. Та звякнула о дно. Только наткнулась на третью, и тут воздух прорезал тонкий, резкий вскрик. Я застыла. Потом вскинула голову, высматривая Перл.

Глава 2

В нескольких ярдах от меня возле отвесной каменной стены среди кустов стоял мужчина — худой, но жилистый. Он держал Перл сзади, приставив нож к ее горлу. Перл застыла как вкопанная. Даже взгляд неподвижный. От страха зрачки расширились, и глаза кажутся черными. Нож в ножнах у нее на лодыжке, но Перл до него не дотянуться.

Взгляд у мужчины был безумный, отчаянный. Я медленно выпрямилась. Сердце стучало в ушах.

— Иди сюда! — прокричал мужчина.

Акцент незнакомый, резкий: с упором на согласные.

— Сейчас, — ответила я и вскинула руки, показывая, что безоружна.

Медленно приблизилась к нему и Перл.

— Дернешься — ей конец, — предупредил мужчина.

Я кивнула.

— Пойдешь со мной на корабль, — продолжил мужчина. — Будешь на нем работать. Брось нож на землю.

Меня охватила паника. Я отстегнула ножны и кинула мужчине под ноги. Тот пристегнул их к своему ремню, глянул на меня и ухмыльнулся. Зубов не было — видно, все повываливались. Кожу покрывал багровый загар. Волосы, выгоревшие и жесткие, как солома, росли неровными пучками. Татуировка тигра во все плечо. У пиратских отрядов принято

набивать свои особые знаки. Чаще всего это звери. Только забыла, чей символ — тигр.

— Да не дрожи, уж я тебя не обижу. Пошли. Нам туда.

Я шагала следом за женщиной и Перл. Обогнув горный склон, мы вышли к бухте. Жесткая трава царапала лодыжки. Я несколько раз споткнулась о камни. Пират убрал нож от шеи Перл, но крепко стискивал ее плечо. Я едва сдерживалась, чтобы не броситься на него и не вырвать Перл из его хватки. Но пират пустит в дело нож, прежде чем успею ее оттащить. В голове проносились разные варианты, один хуже другого. Вдруг пират решит, что ему нужна только одна из нас? Или на корабле столько народу, что оттуда не сбежишь?

Мужчина между тем болтал без умолку. Рассказывал про колонию на севере, где он живет. Хоть бы секунду помолчал, злилась я. Не дает с мыслями справиться! С плеча мужчины свисала фляга. Она раскачивалась возле его бедра. Я уловила плеск. Жажда разыгралась так сильно, что пересилила страх. Мой пересохший рот изнывал без воды. Пальцы чесались схватить флягу и отвинтить крышку.

— Важное дело делаем: создаем новые нации. Надо же как-то... — Мужчина повертел руками перед носом, будто хотел достать нужное слово прямо из воздуха. — ...организовываться. — Мужчина кивнул, явно довольный собой. — Так еще в пещерные времена было. Если не организовать, всем кранты.

Другие племена тоже пытаются создать новые нации. Плавают от одного участка суши к другому, строят военные базы на островах и в портах, нападают на другие племена и основывают колонии. Большинство из них начинали с одного корабля и захватывали другие суда, но теперь они устанавливают свою власть и над поселениями на суше.

Мужчина оглянулся на меня. Я прикинулась дурой: закивала и устремила на него взгляд, полный восхищения и почтения. Отсюда до нашей лодки идти где-то полмили. Мы приближались к тому месту, где дорога делала изгиб. С одной стороны — крутой обрыв, с другой — отвесный склон. Я подумывала о том, чтобы схватить Перл в охапку, прыгнуть с ней в воду и добраться до лодки вплавь. Но нет — плыть слишком далеко, а волны сегодня высокие. Да и нельзя быть уверенной, что мы благополучно плюхнемся в море: вдруг разобьемся о подводные скалы?

Тем временем мужчина сменил тему: стал рассказывать про корабли-фермы. Только разводят на этих фермах не зверей, а людей. Женщины должны производить на свет по ребенку в год или около того, чтобы пополнять состав пиратских команд. Если возьмут в плен девочку, ждут, когда она созреет, и переводят на корабль-ферму, а до тех пор держат под надзором в колонии.

Я проплывала мимо кораблей-ферм, когда рыбачила. Узнать их легко — по флагу: красный круг на белом фоне. Флаг предупреждает остальные суда, чтобы не приближались. На суше болезни распространяются быстро, вот пираты и рассудили, что на кораблях младенцам грозит меньше опасностей. Чаще всего так оно и есть, вот только бывает, что эпидемия возникает прямо на борту корабля. В таких случаях умирают почти все и остается только корабль-призрак. Носится по волнам неприкаянный, пока не врежется в гору и не находит последний приют на дне морском.

— Знаю, о чем ты думаешь, — продолжил мужчина. — Но мы, Потерянные монахи, все делаем как надо. Нельзя создать нацию без людей, без налогов и без тех, кто их собирает. Вот поэтому и организуемся.

Мужчина помолчал. Потом, кивнув на Перл, спросил:

— Дочка твоя?

Я вздрогнула и поспешно замотала головой:

— Пару лет назад на берегу подобрала.

Пусть думает, что мы не семья, иначе постарается разлучить.

— Ясно, — закивал мужчина. — Эти беспризорники очень даже полезными бывают.

Ветер изменил направление. Мы повернули, и теперь из бухты до нас долетали голоса и звон снастей на борту корабля.

— Есть у меня в одной нашей колонии знакомая девчонка. Ты здорово на нее смахиваешь, прямо одно лицо, — произнес мужчина.

Я почти не слушала. Если резко рванусь вперед, дотянусь до его правой руки. Схвачу ее, заломлю ему за спину и вытащу у него из-за пояса свой нож.

Мужчина протянул руку и коснулся волос Перл. У меня сердце сжалось. На его запястье была намотана золотая цепочка с подвеской из темного змеиного дерева. На подвеске вырезан журавль. Да это же кулон Роу! Дед вырезал его в то лето, когда мы с ней ходили смотреть на журавлей. Дед не стал раскрашивать птицу, только оставил красную каплю между глазами и клювом журавля.

Я застыла как вкопанная.

— Откуда у тебя это? — спросила я.

Кровь зашумела в ушах, все тело затрепетало, будто крылышки колибри.

Мужчина покосился на запястье:

— От той девчонки. Ну, про которую я только что говорил. Милая такая девчушка. Даже удивился, как она там уцелела. Вроде хилая, а поди ж ты!

Мужчина осекся и указал ножом на бухту:

— Ты что, весь день тут торчать собралась? Пошли!

Я бросилась на него и сделала подсечку правой ногой. Он споткнулся, и я со всей силы обрушила локоть ему на грудь, вышибая воздух. Наступила на пальцы, сжимавшие нож, выхватила оружие и приставила к его груди.

— Где она? — выдохнула я. Голос прозвучал еле слышно, чуть громче шепота.

— Мама... — вмешалась Перл.

— Отвернись, — велела я и повторила свой вопрос: — Где она?

Я воткнула лезвие ему между ребер, пронзая кожу и диафрагму. Мужчина заскрежетал зубами. На висках выступили крупные капли пота.

— В Долине... — пропыхтел он и покосился в сторону бухты.

— А ее отец?

Мужчина озадаченно нахмурился:

— Не было с ней отца. Видно, помер.

— Когда это было? Когда ты ее в последний раз видел?

— Не помню... — зажмурился он. — Месяц назад или как-то так. Мы оттуда сразу сюда поплыли.

— Она и сейчас в Долине?

— Когда уплывали, была там. Мала еще, чтобы...

Мужчина поморщился. Попытался перевести дух.

Но я и так догадалась, о чем он недоговорил. Слишком мала для корабля-фермы.

— Ну если ты ее хоть пальцем тронул...

Даже в такой момент на лице мужчины промелькнула самодовольная ухмылка, а глаза блеснули.

— Она не жаловалась... — произнес он.

Я вогнула нож ему в грудь по самую рукоятку. Потом выдернула и вспорола ему брюхо, как рыбине.